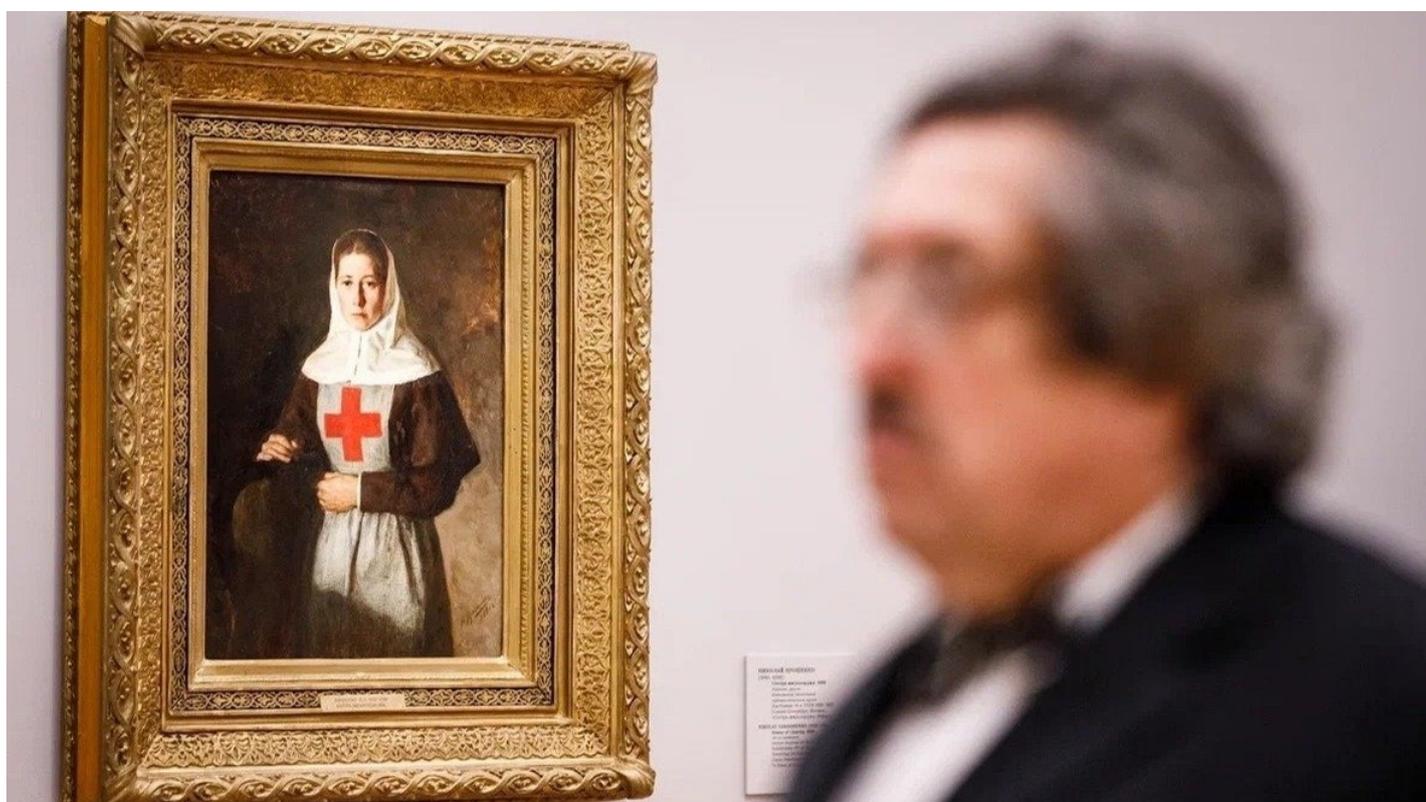

Передвижники прилетели

В новом корпусе Третьяковской галереи открылась выставка «Передвижники» — главная для музея в 2024 году

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

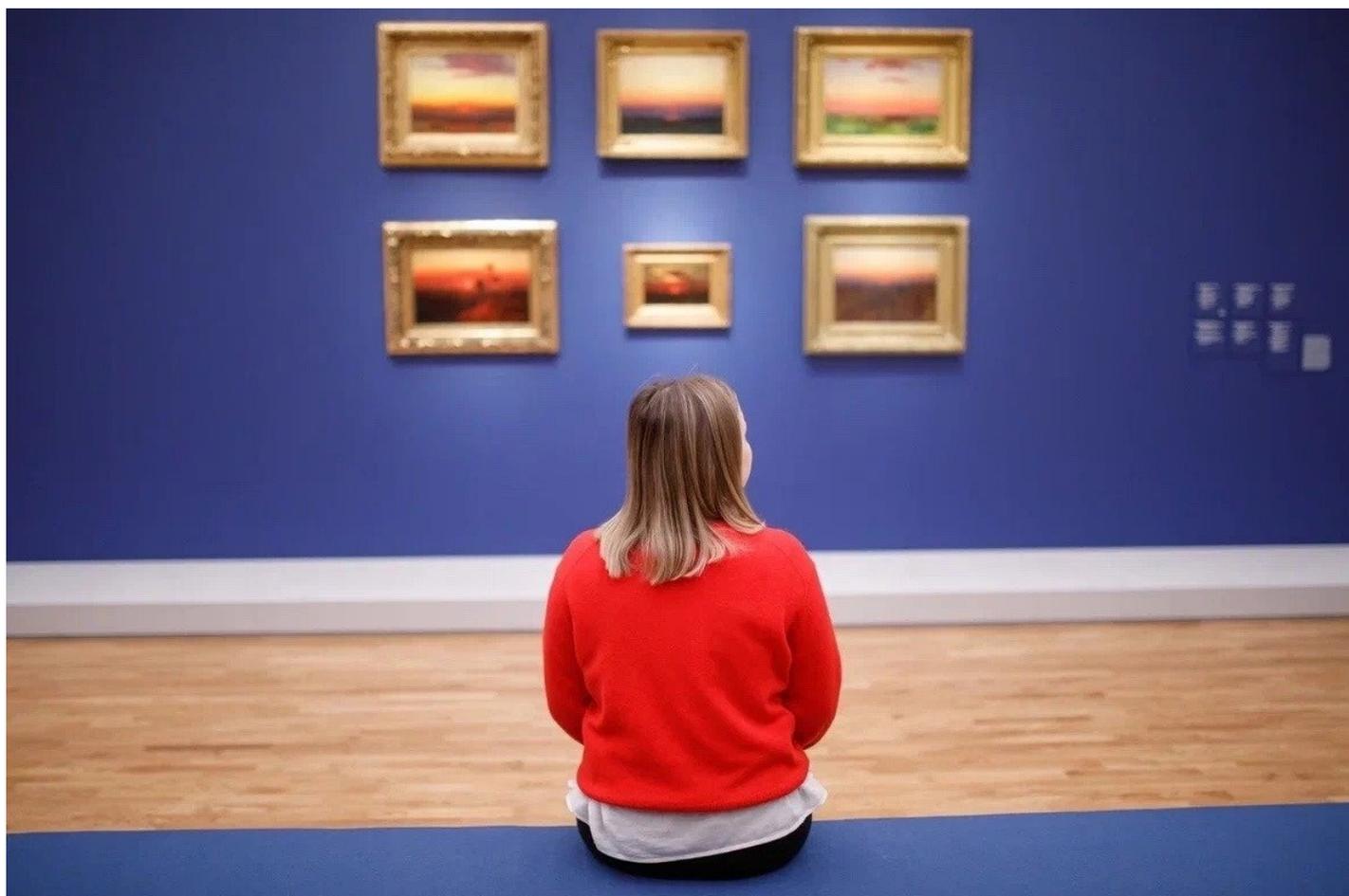
17:51, 2 декабря 2024,

Григорий Мирский

В конце октября в новом корпусе Третьяковской галереи на Кадашевской набережной начала работу выставка «Передвижники» — главная для музея в 2024 году. Грандиозное новое здание, проект которого появился еще в начале нулевых (так давно, что уже мало кто помнит о разрушении исторической застройки на его месте), строилось 10 лет и наконец стало доступно для посетителей. И выбор темы выставки для открытия нового корпуса оказался крайне символичным: как известно, с крупнейшей коллекции живописи передвижников, собранной Павлом Третьяковым, в конце XIX века началась история Третьяковской галереи как общественного музея. И вот спустя 130 лет новое здание, расположенное в нескольких шагах от исторического корпуса, открывается выставкой картин, неразрывно связанных в общественном сознании с именем Третьяковки.

При этом, несмотря на кажущуюся очевидность и даже банальность такого выбора (что может быть для русского человека хрестоматийнее живописи передвижников?), выставка не лишена больших амбиций: по словам организаторов, это первый за 50 лет масштабный проект, посвященный наследию передвижников как цельного направления. Разумеется, почти все художники, имевшие отношение к этому объединению, не сходили с афиш и были доступны зрителям в том же историческом здании Третьяковки, но попробовать вернуться к истокам и разместить эти картины вместе в одном зале — решение нетривиальное и отчасти рискованное. Ведь, как ни крути, традиционно крупные и вызывающие большой ажиотаж выставочные проекты обычно связаны с редким соединением картин одного или нескольких художников в одном пространстве, для чего их привозят из других городов и музеев.

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

В случае выставки передвижников все обстоит иначе: из 150 картин, доступных для осмотра, 110 принадлежат собранию Третьяковки, и почти все из них и так можно было увидеть при осмотре постоянной экспозиции. Особо экономные любители искусства могут даже задуматься: зачем тратить больше (цена билета на выставку несколько выше цены билета в историческое здание), если в следующем апреле почти все эти картины вернутся в Лаврушинский переулок? Но в этом и состоит концепция выставки: ее задача — не блеснуть чем-то редким и доселе невиданным, а пригласить посетителей к рефлексии над тем, что для них значат картины передвижников и какое место в русской культуре они занимают сегодня. Отчасти схожего эффекта удалось добиться выставке Ильи Репина в Новой Третьяковке пять лет назад, когда один из главных русских художников открылся многим зрителям по-новому. Однако если на выставке Репина, кроме всем известных шедевров, были также представлены менее

растиражированные работы, амбиция выставки передвижников еще выше — посмотреть свежим взглядом на картины, знакомые с детства.

Не будет преувеличением сказать, что в постсоветскую эпоху репутация передвижников претерпела серьезные изменения (и скорее не в лучшую сторону). Поднятые советской идеологией на знамя исторически правильного искусства, картины Саврасова, Сурикова, Крамского, того же Репина и многих других стали частью обязательного канона даже для тех, кто никогда не интересовался живописью (жанр «сочинения по картине» привил минимальное знание этих шедевров уже не одному поколению школьников). Вместе с тем такое навязывание сказалось на стертом или даже негативном восприятии эстетики передвижников, особенно в экспертном сообществе. Поэтому неудивительно, что

в последние 50 лет живопись передвижников практически вышла из моды, уступив место искусству русского модерна и авангарда.

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

Можно спорить, насколько это справедливо, но выставка в Третьяковке явно вписывается в тренд переосмысления наследия передвижников, сложившийся в последние 5–10 лет. Без пересмотра мифа об этих художниках, сформированного в среде русской интеллигенции еще до революции и затем подхваченного и слегка видоизмененного в советское время, сложно восстановить репутацию этого уникального для русской культуры художественного движения. В каком-то смысле выставка в новом корпусе Третьяковки — это попытка перестановки акцентов в канонической истории русского изобразительного искусства, которая должна привести к «эстетической реабилитации» передвижников.

Композиция выставки устроена весьма затейливым образом и по-своему играет со зрительским восприятием: первый экспонат, который видят посетители, — деревянные скульптуры современного художника Николая Полисского, представляющие собой фигуры грачей (тех самых, что прилетели). Впрочем,

расположение птиц несколько в стороне от знаменитой картины Саврасова не позволяет воспринять их как нарочитую рифму между искусством прошлого и настоящего. Скорее эти грачи оказываются в роли таких же посетителей, как и мы, залетевших на первую масштабную выставку передвижников за полвека. Прилетели — и готовы смотреть картины.

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

Сразу же бросающиеся в глаза «хиты» («Грачи прилетели» Саврасова, «Охотники на привале» Перова, «Петр I допрашивает царевича Алексея» Ге) могут вызвать даже некоторое недоумение: зачем так с порога пускать пыль в глаза, надо же подготовиться! Но если обратить внимание на сопроводительные материалы, станет понятно: экспозиция открывается работами, представленными на самой первой выставке Товарищества передвижников, состоявшейся в конце 1871 года в Петербурге. Впрочем, сразу после этой части кураторы перестают следовать хронологическому принципу,

переходя к объединению работ на основе жанров, тем и проблем. И по этой развеске сразу становится очевидна разница с привычным расположением этих картин в постоянной экспозиции, где работы группируются по авторам: несмотря на объяснимую логику такого подхода, это усложняет восприятие и понимание искусства как единого процесса, состоящего из постоянных взаимных влияний и перекличек.

Одним из главных композиционных разделов выставки стал раздел «Между реальностью и метафизикой», отчасти провокационный по своему названию. Хорошо известны главные эстетические принципы художников-передвижников: основной предмет изображения — социальная реальность, такая, какая она есть; основной художественный метод — реализм; и наконец, основная задача этой эстетики — изображать «правду жизни», делая это без каких-либо иллюзий, то есть критически. Все это — истины, либо затвержденные со школьной скамьи, либо воспринимаемые интуитивно. Казалось бы, при чем тут метафизика? И тем не менее так же, как русский литературный реализм второй половины XIX века был напрямую связан с метафизическими вопросами и проблемами, так и в картинах передвижников изображения окружающей действительности соседствовали, а иногда и переплетались с евангельскими мотивами, историческими аллегориями и бытийным (а не только бытовым) уровнем реальности. Кураторы выставки не развенчивают миф о передвижниках как искателях правды жизни, критически воспринимающих окружающую их реальность, а усложняют его, открывая, как правило, скрытые для современного зрителя эстетические грани творчества этих художников.

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

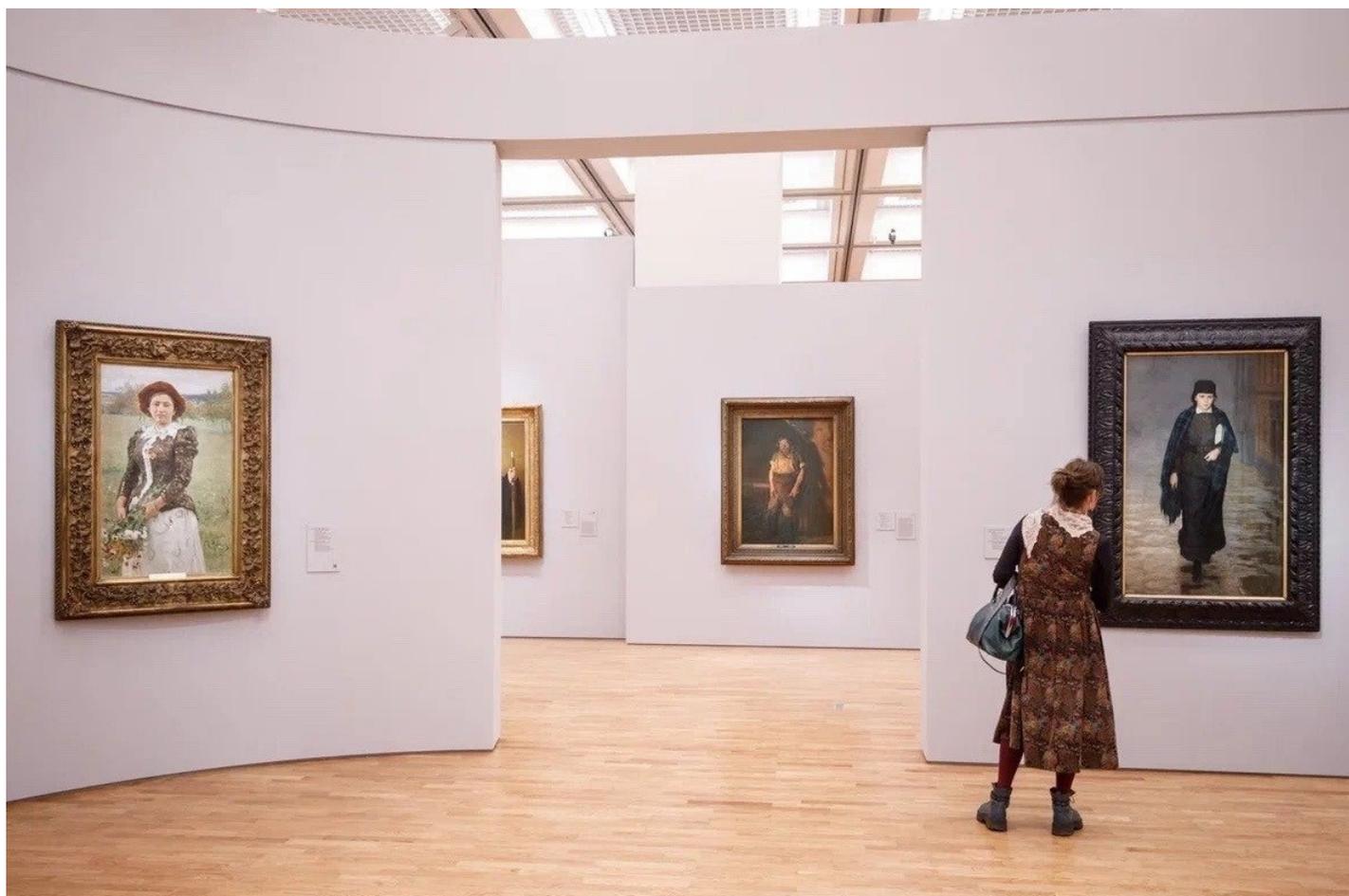
Помимо крупных концептуальных разделов, на выставке есть и более узкие жанровые и тематические, в которых картины группируются под такими названиями, как «Портрет», «Пейзаж», «Женский вопрос», «Мир детства» и др. В каждом из этих разделов можно обнаружить любопытные рифмы между знаменитыми шедеврами и менее известными работами (в том числе теми немногочисленными картинами, что были привезены из других городов и музеев).

Однако, возможно, самым интригующим (и вместе с тем наиболее спорным) разделом выставки становится заключительный — «Выход в XX век. Передвижники вне передвижничества». В этом разделе происходит, пожалуй, наиболее серьезная полемика кураторов выставки с советским мифом о передвижниках.

Если для официального советского

искусствоведения живопись передвижников была источником соцреалистического искусства, то в заключительном разделе выставки Третьяковки из передвижничества выходит искусство русского модерна.

Как известно, общим местом в любой версии истории искусства является то, что модернизм скорее отталкивался от эстетики передвижников. Но делая акцент на творчестве тех художников, которые в начале своего творческого пути участвовали в передвижных выставках конца XIX века, а потом порвали с товариществом, кураторы выставки показывают, насколько плодотворными для живописи могли быть эти «отталкивания». Более того, к концу выставки становится очевидным простой, но важный для понимания факт: Товарищество передвижных выставок художников стало не просто эстетическим феноменом в истории русской живописи, а уникальной художественной организацией, настоящим демократическим движением, первым бросившим вызов официальному академическому искусству и вышедшим из этого столкновения победителем. С этой точки зрения без опыта передвижников не могло бы случиться триумфа «мирискусников» и всех остальных многочисленных художественных групп начала XX века.

Выставка «Передвижники». Фото: Третьяковская галерея / Иван Новиков-Двинский

Вместе с тем слияние в рамках выставки творчества «отцов-основателей» общества передвижников (Мясоедова, Перова, Крамского) с более поздними художниками-новаторами вроде Коровина, Головина, Куинджи может показаться для кого-то слишком смелым и необоснованным. Так, удивительно, но даже спустя более 100 с лишним лет около импрессионистической картины Коровина «В саду. Гурзуф» можно услышать хлесткое определение «мазня». Говорит ли это о непобедимой силе эстетического мифа о передвижниках как мастерах «гладкописи», «правдоподобия» и «фотографической точности», с которой не может иметь ничего общего техника импрессионизма, судить сложно, но будем считать, что еще одна из задач этой выставки — показать, как из саврасовских «Грачей» вышла коровинская «мазня».

Финальная точка композиции выставки —

шесть картин Куинджи с изображением заката, прямой символизм которых, как и в случае с открывающими деревянными «Грачами», не кажется излишне нарочитым.

Шесть небольших минималистичных работ не только подводят итог 50-летней истории Товарищества передвижных выставок, но и заставляют замереть в тишине и задуматься — как об искусстве, так и о жизни.

Выставка «Передвижники» в Третьяковке продлится до начала апреля следующего года (когда грачи уже точно прилетят), но и сейчас можно сказать: аргумент в пользу «эстетической реабилитации» художников-передвижников, представленный на выставке, должен быть воспринят положительно как экспертным сообществом, так и широким зрителем. Однако в связи с этой концептуально захватывающей выставкой хочется задать важный вопрос: не вытеснит ли в зрительском сознании акцент на эстетических достоинствах живописи передвижников ту этическую доминанту, что была определяющей для этого движения с самого его основания и сохраняется уже около полутора веков, несмотря на все идеологические наслоения? И не является ли это этическое зерно самым важным, что есть в этих картинах? Кажется, наряду с «эстетической реабилитацией» передвижников нам бы не помешало помнить о том, что именно они хотели сказать своими шедеврами о русском народе, русской природе, русской жизни и ее смысле. А понимание, почему эти картины являются настоящими произведениями искусства, должно лишь помочь в рефлексии над этими вопросами.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Совриск» от слова «советский» и пиджаки на выставке](#)

Обзор крупнейшей ярмарки современного российского искусства Cosmoscow-2024. До бульдозеров пока дело не дошло

16:31, 5 ноября 2024, Григорий Мирский